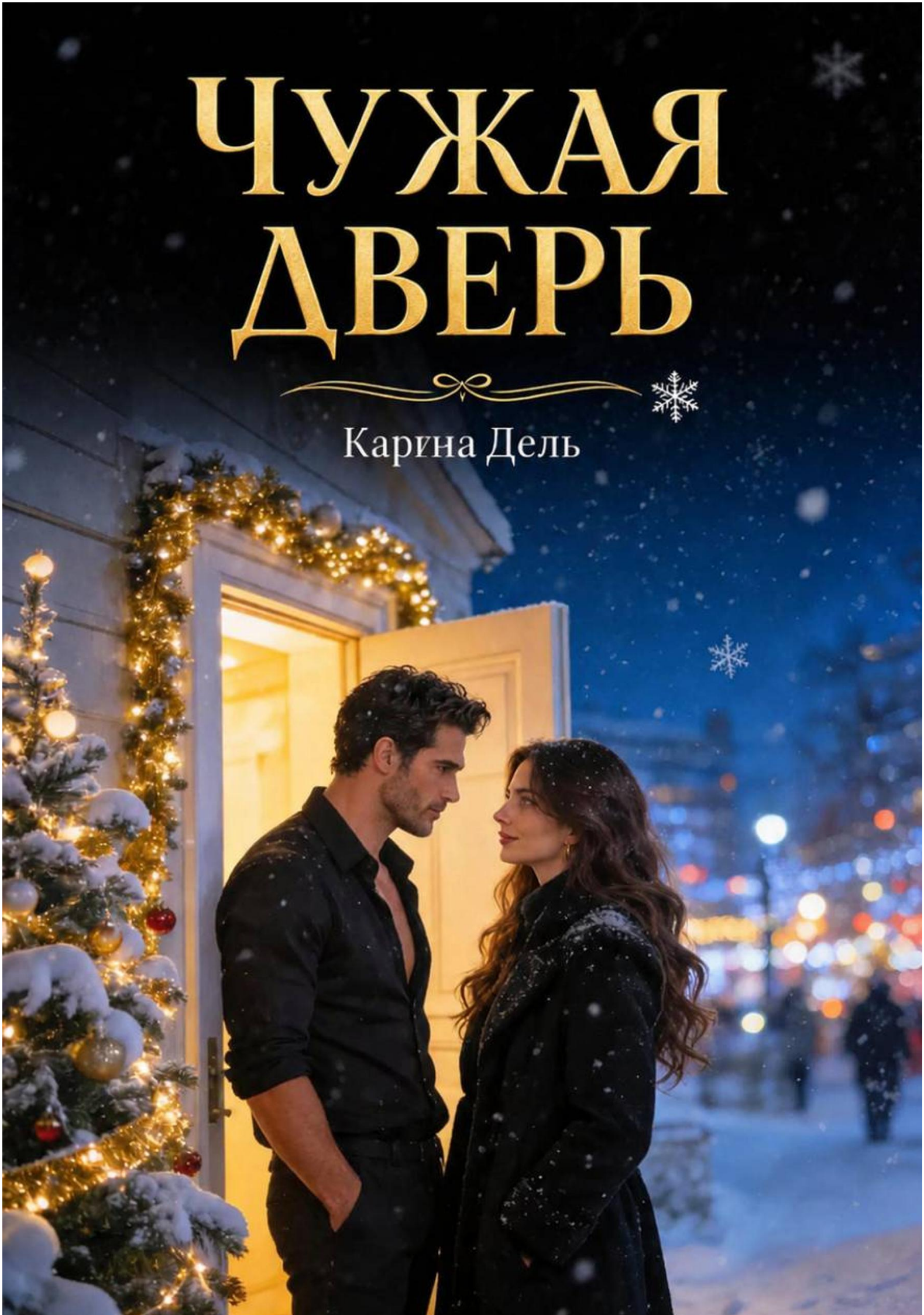
Чужая дверь

Карина Дель

Карина Дель

Чужая дверь

«Автор»
2026

Дель К.

Чужая дверь / К. Дель — «Автор», 2026

Алину перед новым годом бросает парень, с которым она была три года и ждала предложения. Она чувствует, что её жизнь разбита. Девушка вместе с подругой напивается в клубе, после чего едет домой. Ничего не предвещает беды. Она пытается открыть свою дверь, но её открывают изнутри. На пороге стоит сосед. Невероятно красивый и притягательный сосед...

© Дель К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 7
Глава 3 9
Глава 4 10
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Карина Дель
Чужая дверь

Глава 1

Алина потратила на это платье половину премии и ни секунды не жалела. Изумрудный шёлк мягко холодил кожу, волосы лежали тяжёлой волной, а в зеркале лифта на неё смотрела женщина, у которой сегодня всё получится.

Именно так она и сказала своему отражению, шёпотом, чтобы не услышали соседи: «Всё получится». Отражение кивнуло. Отражение вообще было на её стороне. Она чувствовала, что наконец-то лёд тронулся. Алина ждала этого целых три года.

Сегодня должен был быть тот самый вечер. Денис заказал столик в «Бельведере» ещё две недели назад и сказал загадочно, с той улыбкой, которую она раньше принимала за нежность: «Надень что-нибудь красивое». Три года вместе. Три года она ждала, когда он наконец перестанет говорить «потом» и скажет «давай».

Она не торопила. Умная женщина не торопит. Умная женщина покупает платье и ждёт.

В такси она в четвёртый раз проверила сумочку: помада, телефон, ключи. Руки слегка дрожали, и она спрятала их под клатч. За окном плыл предновогодний город: гирлянды на фасадах, ёлки в витринах, люди с огромными пакетами и таким счастливым, озабоченным видом, будто они спасали мир подарками. Телефон звякнул. Катя: «Фото кольца жду немедленно!!!». Алина улыбнулась и ответила тремя сердечками. Очень не хотелось сглазить.

Денис был уже там. Он встал из-за столика, поцеловал её в щёку, и она сразу почувствовала что-то неправильное. Поцелуй получился быстрым и сухим, как будто он ставил галочку в списке дел. Не «соскучился», а «поздоровался».

«Нервничает, — решила Алина. — Мужчины перед таким всегда нервничают».

Ресторан был из тех, где свечи настоящие, а официанты ходят бесшумно, как привидения. Они заказали вино. Денис говорил о работе, о пробках, о том, что к Новому году в городе невозможно жить, и ни разу не посмотрел ей в глаза дольше секунды. Алина кивала, улыбалась и ждала. Ждала так сосредоточенно, что даже не попробовала закуску.

Когда принесли горячее, он наконец положил вилку и сцепил пальцы в замок.

— Алин, нам надо поговорить.

Сердце у неё подпрыгнуло, как мячик. Вот оно. Сейчас он полезет в карман пиджака. Она уже готовила лицо: удивление, радость, слёзы, но не слишком, чтобы не потекла тушь.

— Я долго думал, — продолжил он. — Мне кажется, мы зашли в тупик. Я не готов к тому, чего ты хочешь. Не сейчас и, наверное, вообще.

Ей показалось, что в зале выключили звук. Где-то звякнула посуда, кто-то засмеялся за соседним столиком, но всё это доносилось будто из-под воды.

— Чего я хочу? — спросила она очень тихо.

— Семью. Детей. Всего этого. — Он поморщился, словно сказал что-то неприличное. — А мне душно, понимаешь? Я не хочу тебя обманывать.

«Душно». Она повторила это слово про себя. Три года она открывала для него окна, а ему было душно.

— Ты привёл меня сюда, чтобы бросить? За две недели до Нового года?

— Я не хотел устраивать сцену дома.

Вот так. Не хотел сцены дома. Ресторан, значит, подходит лучше: и свидетели есть, и десерт.

Алина посмотрела на тарелку с нетронутой уткой. Потом на его аккуратно подстриженные ногти, на часы, которые она подарила ему на тридцатилетие. Странно: плакать не хотелось. Хотелось только встать и выйти, пока в ней не лопнуло что-то очень хрупкое.

Она встала, аккуратно положила салфетку рядом с тарелкой и сказала:

— Утку не оставляй. Она, между прочим, вкусная.

И пошла к выходу, не оглядываясь, спиной чувствуя, как он хочет что-то сказать и не говорит. Привычка у него такая.

На улице шёл снег, крупный, нарядный, как в рекламе. Алина стояла под фонарём в изумрудном платье, без пальто, которое осталось в гардеробе, и вдруг поняла, что не помнит, в какую сторону идти. Не просто к дому. Вообще.

Телефон завибрировал. Катя: «Ну?????»

Алина смотрела на экран, и пять вопросительных знаков расплывались, как огни за мокрым стеклом. Потом набрала два слова:

«Спаси меня».

Глава 2

Катя примчалась через двадцать минут, в пуховике поверх вечернего платья и с таким лицом, будто готова была поджечь «Бельведер» вместе с поваром.

— Так. Слёзы потом. Сначала у нас план, — объявила она, обняла Алину так крепко, что хрустнули рёбра, и впихнула её в такси. — Едем в «Ноктюрн». Там громко, темно, и никто не спросит, как ты себя чувствуешь.

— Мне нужно домой, — слабо сказала Алина.

— Тебе нужно, чтобы тебя дома не было. Там тебя ждёт ёлка, которая будет смотреть с упрёком. Знаю я эти ёлки. Тебе нужно туда, где не будет слышно треска твоих отношений.

«Ноктюрн» оказался подходящим местом: гулкий бас, зеркальный шар, толпа в блёстках. Катя протолкалась к барной стойке, заказала две текилы и поставила одну перед Алиной.

— За то, что ты свободна.

— Я не хочу быть свободной, — сказала Алина. — Я хочу, чтобы он вернулся и извинился. Нет. Я хочу, чтобы он никогда не возвращался. Нет. Я не знаю, чего хочу.

— Тогда за «не знаю». — Катя чокнулась с ней. — Пей.

Текила обожгла горло и растеклась по груди горячей волной. Алина закашлялась, Катя сунула ей дольку лимона, и обе засмеялись, хотя ничего смешного не было.

После третьей рюмки мир стал мягким и немного скользким. Обида, державшая её за горло, ослабила хватку. После пятой Алина танцевала посреди зала с каким-то незнакомым парнем в бабочке, потом с Катей, потом одна, закрыв глаза. Изумрудный шёлк летел за ней, как зелёная вода. Ей казалось, что пока играет музыка, ничего плохого случиться не может. Нужно только не останавливаться.

В какой-то момент она поймала своё отражение в зеркальной стене и не сразу узнала: растрёпанная, с горящими щеками, с тушью, которая всё-таки потекла. Красивая. Живая. Совсем не та, что час назад сидела над нетронутой уткой.

«Ну и пусть, — подумала она. — Пусть ему будет душно».

В третьем часу ночи Катя засунула её в такси, назвала адрес и строго велела водителю:

— Довезти до подъезда и проследить, чтобы зашла. Это вопрос жизни и смерти.

— Чьей? — уточнил водитель.

— Вашей, если она не дойдёт.

Подъезд встретил запахом мандаринов и чьей-то ёлки. Лифт ехал бесконечно, поскрипывая и вздыхая, как старик. На девятом этаже Алина выбралась на площадку, держась за стену, и долго искала в сумочке ключи, которые, как назло, спрятались в самом дальнем углу. Помада, телефон, салфетки, ещё салфетки. Ключи нашлись последними, холодные и родные.

Вот. Нашла.

Ключ вошёл в замок до половины и упёрся. Алина нахмурилась и надавила сильнее. Не поворачивается. Она толкнула дверь плечом, прошептала:

— Ну давай же, это моя квартира, у меня там ёлка…

Замок щёлкнул изнутри. Дверь распахнулась, и Алина по инерции качнулась вперёд, чуть не упав на того, кто стоял на пороге.

Мужчина. Высокий, в серой футболке и домашних штанах, с отвёрткой в руке. Тёмные волосы взъерошены, на скуле белый след побелки. Он смотрел на неё с таким изумлением, что она на секунду протрезвела.

— Здравствуйте, — осторожно сказал он. — Вы, кажется, ко мне?

— Я к себе, — с достоинством ответила Алина. — Это моя квартира.

— Любопытно. — Он посмотрел на дверь, потом на неё. — Потому что у меня она тоже моя. Уже полтора месяца.

Алина подняла глаза и прочла табличку. Восемьдесят восемь. Её была восемьдесят шестая.

— Ой, — сказала она.

— Ага.

— Новый сосед?

— Артём. — Он слегка наклонил голову. — Вы, судя по всему, Алина. Мне про вас рассказывала бабушка с пятого этажа. Что-то про красивую девушку с девятого, которая здоровается даже с лифтом.

Это было так неожиданно мило, что к горлу подкатил комок. Алина хотела засмеяться, а вместо этого всхлипнула. Потом ещё раз. Потом слёзы потекли сами, горячие, злые, бесконечные, на изумрудное платье, на чужой коврик.

Артём не бросился её утешать и не стал спрашивать «что случилось». Он молча отступил в сторону и открыл дверь шире.

— Заходите. У меня есть чай и стремянка. Больше пока ничего нет.

Глава 3

Квартира Артёма пахла свежей краской, деревом и чем-то тёплым, пряным: корицей, кажется. Мебели почти не было: диван, накрытый клетчатым пледом, стол у окна, заваленный чертежами, пара коробок с книгами. На подоконнике горела гирлянда, одна-единственная, и от этого вся комната казалась живой, будто в ней кто-то тихо дышал.

Туфли Алина сбросила у порога: одну прямо у двери, вторую куда-то в сторону. Разбираться было лень. Теперь она сидела на диване, сжимая кружку обеими руками. Чай был крепкий, с мёдом, и согревал лучше любой текилы.

— Он думал, что мне нужны только кольцо и дети, — сказала она в который раз. — Как будто это что-то плохое.

— Это не плохое, — спокойно ответил Артём. Он сидел напротив на перевёрнутом ящике, чтобы не нависать над ней. — Плохо, когда человек говорит об этом, как о проблеме.

— Ты слишком хорошо всё понимаешь.

— Я два года был женат. Потом перестал.

— Почему?

Он задумался, словно искал честный ответ, а не удобный.

— Мы оба боялись сказать вслух, что нам стало скучно друг с другом. И молчали так долго, что молчание стало главным жильцом в доме.

Она посмотрела на него. Глаза серо-зелёные, внимательные, в уголках уже наметились первые морщинки. Он не пытался ей понравиться, не острил, не жалел. Просто слушал. Когда человек так слушает, в нём трудно не утонуть.

— Мне сегодня сказали, что со мной душно, — тихо произнесла Алина.

— Рядом с тобой, — Артём помедлил, — я бы дышал очень глубоко.

Тишина стала густой, как мёд в чае. Алина поставила кружку на пол. Она сама не поняла, как оказалась так близко, что почувствовала тепло его руки. Он не двинулся ей навстречу, только спросил почти шёпотом:

— Ты уверена? Скажи, если надо остановиться. Я остановлюсь в любой момент.

Вместо ответа она коснулась его щеки, того места, где белела полоска побелки.

Поцелуй оказался неспешным и удивительно бережным. Потом в нём появилась жадность, будто оба слишком долго молчали и вдруг получили право говорить. Его ладони скользнули по её плечам, по спине, нашли молнию на платье. Изумрудный шёлк мягко зашуршал, и Алина подумала, что ради этого звука, пожалуй, стоило потратить половину премии.

Гирлянда на подоконнике мигала золотыми точками. Она закрыла глаза и перестала думать. Остались только его дыхание у виска, его пальцы, переплетённые с её пальцами, и тихое, горячее: «Ты прекрасна». От этих слов по коже побежали мурашки, как от первого снега.

Дальше время потеряло счёт. Плед, подушки, смех, когда что-то упало на пол, и тут же шёпот: «Тише, соседи». Сумасшедшая нежность, от которой щипало в глазах. Её имя на его губах, произнесённое так, словно он давно хотел его сказать. Она впервые за много месяцев никого не изображала, не старалась быть удобной, не угадывала, чего от неё ждут.

Рассвет за окном, ещё синий и робкий, застал их обнявшимися, уставшими и странно счастливыми.

Алина уткнулась лбом в его плечо. Впервые за много недель в груди не было ни тревоги, ни тянущей пустоты. Только тишина и покой. Мандариновая корка на блюдце пахла Новым годом.

И именно это вдруг её испугало.

Глава 4

Она проснулась в семь двенадцать от того, что где-то во дворе чистили снег. Лопата скребла по асфальту ровно и методично, как совесть.

Алина открыла глаза и не сразу поняла, где находится. Потолок незнакомый: высокий, с аккуратной свежей побелкой и тонкой трещинкой у люстры. Подушка пахнет чужим шампунем, чем-то хвойным. Рядом, на боку, спал мужчина и обнимал её сквозь сон. Его рука лежала на её талии тяжело и тепло, будто так было всегда.

Всё вернулось разом, одной тёмной волной: «Бельведер», Денис, текила, не та дверь.

«Боже мой, — подумала она. — Что я наделала?»

Голова гудела. Во рту было сухо, как в пустыне. А в груди, под рёбрами, жило что-то странное, тёплое и совершенно неуместное, и Алина торопливо затолкала это поглубже, пока оно не успело получить имя.

Она осторожно приподняла его руку и выскользнула из-под пледа. Платье нашлось на спинке стула, аккуратно расправленное: кто-то позаботился, чтобы шёлк не помялся. От этой мелочи горло почему-то сжалось. Сумочка валялась у дивана. Левая туфля стояла у двери, а правой не было нигде. Алина заглянула под диван, под стол, за коробку с книгами. Искать было некогда: Артём пошевелился во сне, вздохнул, и она замерла, не дыша, с платьем в руках.

Не проснулся.

Она натянула платье, молнию застёгивала на ходу, изогнувшись, как цирковая гимнастка. Подхватила сумочку и единственную туфлю, босая выскользнула на площадку и тихо прикрыла за собой дверь. Замок щёлкнул едва слышно. Ледяной кафель обжёг ступни. Через шесть секунд она уже стояла перед своей квартирой, на этот раз перед правильной, и дрожащими руками вставляла ключ.

В прихожей пахло домом: кофе, кремом для рук и немного пылью. На тумбочке сиротливо стояла ёлочка в горшке, которую Алина купила в начале декабря и успела нарядить мишурой и шариками. Рядом лежала коробка с приглашением на корпоратив. Жизнь, в которой всё осталось по-прежнему. Только сама Алина в ней была уже другая.

Она прислонилась спиной к двери и сползла на пол. Платье зашуршало. Из сумочки вывалился телефон, и экран вспыхнул: пятнадцать сообщений от Кати.

«Ты жива?»

«Ответь немедленно!»

«Если ты не отвечаешь, я вызываю МЧС и твою маму».

Последнее было серьёзной угрозой. Алина набрала: «Жива. Дома. Потом расскажу».

Ответ прилетел через две секунды, будто Катя сидела на телефоне с самого рассвета:

«Ты ночевала дома???»

Алина долго смотрела на экран. Пальцы зависли над клавиатурой. Можно было соврать. Можно было признаться. Можно было написать сто разных слов. Она выдохнула и напечатала то, что решила окончательно, как приговор:

«Ничего не было. Совсем ничего. Забудь».

Отправила. Выключила звук. И только тогда позволила себе подумать.

Это была ошибка. Пьяная, глупая, красивая ошибка, и повторять её нельзя. Ей двадцать семь лет, её только что бросили, и ей совершенно не нужны новые истории, в которых можно снова остаться одной. Особенно с мужчиной, который живёт через стенку. Через стенку, за которой каждое утро будет скрипеть паркет и закипать чайник.

Через стенку.

Алина закрыла лицо руками и тихо застонала. Из-за этой самой стенки, совсем рядом, донёсся едва слышный звук: кто-то включил воду. Проснулся.

Она вскочила, как ужаленная, и бросилась в ванную. Включила воду на полную, чтобы заглушить всё сразу: звуки за стеной, мысли в голове, воспоминание о том, как его ладони держали её за плечи. Не помогло.

Только под горячими струями она вдруг вспомнила, что правая туфля осталась там. В чужой квартире, у чужого дивана, на чужом коврике. Там, где её никто не просил оставаться.

И почему-то это показалось самым страшным из всего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.